

Евгений Чеширко

НЕКТАР

ДЛЯ ДУШИ

НОЧЬ НЕБЕСНЫХ СВЕТЛЯЧКОВ

ИСТОРИИ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-57

Серия «Нектар для души»

Оформление обложки: *Юлия Межова*

ЧеширКо, Евгений

Ч-57 Ночь Небесных Светлячков. Истории о Добре и Зле / Евгений ЧеширКо.— Москва: Издательство АСТ, 2020,— 252, [2] с.— (Нектар для души).

ISBN 978-5-17-132719-4

Даже музыкальные инструменты со временем расстраиваются, что уж говорить о человеческих душах. Быт и житейские проблемы ослабляют струны души, заставляя их звучать тише и глуше. Несправедливость и равнодушие покрывают их черным налетом. Ложь и предательство рвут их на части. Эта книга — как камертон, а каждая история в ней — как чистое звучание, которое поможет вам настроить душу на прежний лад и она снова зазвучит прекрасной мелодией. И когда наступит Ночь Небесных Светлячков, мир вновь наполнится музыкой чистых душ.

© Евгений ЧеширКо, текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

КАК ВЕТЕР

Молодой Ветерок ворвался в дом и, разогнав несколько пугливых Сквозняков, тут же спрятавшихся в чулане, остановился у комнаты с массивной деревянной дверью. Толкнув ее, Ветерок заглянул внутрь и увидел, что в комнате творится настоящее сумасшествие. Прямо в воздухе крутилась вокруг своей оси какая-то раскрытая книга. Каждую минуту потоком ветра из нее вырывалась страница и отлетала к десяткам таких же страниц, вращающихся в воздухе.

— Пап, ты очень занят? — спросил Ветерок.

Раскрытая книга и куча оторванных страниц тут же прекратили свой странный танец и полетели на пол.

— Сынок, ты зашел ко мне в гости?! — обрадовался Старый Ветер и бросился к своему сыну.— А я вот зачитался и не услышал, как ты вошел. Как ты? Рассказывай!

Ветерок вздохнул и, приподняв с пола одну страницу, принялся играть с ней, не давая опуститься на пол.

— Пап, я, собственно, зачем пришел...— Он еще раз подкинул вверх бумажный лист и повернулся к отцу.— Мне нужна твоя помощь.

— Сынок, о чем ты говоришь? — Ветер улыбнулся и взлохматил его волосы.— Я всегда рад тебе помочь. Что случилось?

— Каким мне быть, пап? — Ветерок посмотрел на отца серьезным взглядом.

Отец понимающе кивнул и еще раз провел рукой по голове сына.

— Я чувствую, что ты хочешь поделиться со мной историей? — спросил он.

— Да,— вздохнул Ветерок и тут же начал свой рассказ.— Недавно я подружился с компанией молодых Ураганов и они взяли меня в поход. Несколько дней мы развлекались так, как я никогда в жизни не развлекался. Мы выворачивали из земли огромные деревья, срывали крыши с домов, водили хороводы и громко смеялись. Когда мои друзья пошли дальше, я на несколько минут задержался, чтобы еще раз посмотреть на то, что осталось после нас. Из полуразрушенного дома я услышал плач и заглянул внутрь. Оказалось, что плакала женщина — она разгребала завалы и постоянно повторяла чье-то имя... И вдруг до меня дошло, что у нашего веселья есть и другая сторона. Я никогда раньше не мог подумать, что за смех и радость одних могут расплачиваться другие. Мне стало стыдно, пап. Я не стал догонять своих друзей и свернул к морю, чтобы побыть немного в одиночестве. Я летел над водной гладью и думал о том, что больше никогда в жизни не свяжусь с Ураганами. Лучше я стану Форточным Сквозняком, чем увижу слезы человека, по моей вине потерявшего кого-то из близких.

Ветерок ненадолго замолчал, снова пережив в памяти события того дня, а затем продолжил:

— Через некоторое время на горизонте показался небольшой кораблик. Я решил, что отдохну на нем, потому что очень устал. Добравшись до него, я завернулся в парус и уснул. А проснулся от смеха. Надо мной смеялись, папа! Люди ходили по палубе и хохотали — они говорили, что я настолько слабый, что не могу даже сдвинуть с места их корабль. Сна-

чала я разозлился и хотел закружиться Смерчем, чтобы разнести их суденышко в пыль, но потом вспомнил слезы той женщины — ведь кто-то из этих людей, смеющихся надо мной, мог оказаться ее сыном или мужем. Я вспомнил, что зарекся быть Ураганом и просто улетел подальше от этого корабля, терпя насмешки людей, которые они выкрикивали мне в спину.

Ветерок с надеждой посмотрел на своего отца.

— Каким же мне быть, папа? Когда я становлюсь сильным и мощным, люди боятся меня, плачут и не хотят меня видеть. Когда я превращаюсь в спокойного и покладистого — они смеются надо мной и позволяют себе унижать меня. Я не хочу ни того ни другого, но и стать обычным безликим Ветром, каких тысячи — этого я тоже не хочу. Каким мне быть, пап?

Старый Ветер выслушал своего сына и хитро улыбнулся.

— Сейчас эта загадка кажется тебе неразрешимой, правда, сынок?

— Честно говоря, да, — кивнул Ветерок.

— И это неудивительно. Ведь этот вопрос я задавал своему отцу, а тот — своему. Теперь пришло твое время. Пойдем, ты сам все увидишь.

Старый Ветер распахнул дверь комнаты и вырвался из нее, увлекая за собой сына. Уже через несколько минут они летели по улицам города.

— Ты говорил, что над слабыми смеются? — шепнул отец сыну. — Смотри же.

С этими словами он пролетел мимо девушки, стоявшей у пешеходного перехода, и, едва заметно проведя пальцами по ее коже и слегка задев волосы, тут же бросился к парню, спешившему по своим делам. Подлетев к нему, Старый Ветер взмахнул рукой прямо перед его лицом и затих. Парня как будто ударило током. Голова дернулась и повернулась

в ту сторону, откуда ветер принес запах духов и кожи. Уже поднимаясь вместе с отцом над городом, Ветерок увидел, как парень подбежал к девушке и стал что-то ей говорить. А она улыбалась.

— Кто-нибудь посмеялся надо мной, сынок? — хитро прищурившись, спросил отец.

— Нет. Кажется, они только радовались.

— Вот и хорошо. Не отставай!

Отлетев подальше от города, два ветра оказались на огромном пустыре. Старый Ветер неожиданно стал очень серьезным. Его глаза налились кровью, а хитрая улыбка слетела с лица, уступив место хищному оскалу. Отец кружился по пустырю, и с каждой секундой его движения становились все резче и отрывистее. На глазах у сына он превращался в огромный Торнадо.

— Папа, зачем ты это делаешь? — кричал Ветерок, закрывая уши.— Перестань, папа! Ты же можешь кого-нибудь убить!

Но вдруг он увидел, как к Торнадо съезжаются люди. Они останавливались на почтительном расстоянии от него, выходили из машин и смотрели в его сторону.

— Ты говорил, что сильных боятся и не хотят видеть? — проревел отец.— Иди же и посмотри на их лица.

Ветерок тут же метнулся к людям и с удивлением увидел, что на их лицах не было ни слез, ни ужаса. Люди смотрели на буйство стихии с восхищением. Они фотографировали его отца, улыбались и не скрывали своего восторга.

— Кто-нибудь плачет, сынок? — выкрикнул Старый Ветер.

— Нет, пап. Они радуются!

— Тогда летим дальше!

Успокоившись, Старый Ветер взмыл вверх и, выбрав самую большую тучу из тех, что собрались поглазеть на

Торнадо, схватил ее за край и потянул за собой. Он не спешил, поэтому Ветерку не приходилось гнаться за ним. Когда внизу показалась небольшая деревня, Старый Ветер отпустил тучу — и она тут же пролилась вниз дождем.

— Ты говорил, что не хочешь стать безликим Ветром, каких тысячи? — произнес отец.— Посмотри на людей внизу. Они не видели дождя уже два месяца, они боялись, что их урожай погибнет и им будет нечего есть. Посмотри, сынок, они равнодушны?

— Нет, пап, они тоже радуются,— ответил Ветерок.

— Они радуются дождю, а не мне. Я безлик? Да. Но их радость — лучшая награда за мои труды. Ведь я знаю, кто принес им дождь.

Старый Ветер обнял сына, и они не спеша полетели домой. В тот день Ветерок получил ответ на свой вопрос и понял, что не нужно бояться быть сильным, не нужно стесняться быть слабым и не нужно всеми силами пытаться заслужить одобрение. Нужно быть разным. Как Ураган, как Бриз, как Шквал, как...

Как Ветер.

ОДНАЖДЫ

Вы замечали, что все самое интересное в нашей жизни происходит однажды? Не в том смысле, что все хорошие события случаются лишь один раз. Нет. Просто все самые интересные истории начинаются с этого слова. Вот сидит компания за столом, все смеются, улыбаются, а кто-то вдруг произносит: «Однажды был у меня случай...» И все сразу замолкают и поворачиваются в его сторону. Все знают, что история будет занимательной. Или, к примеру, говорит человек: «Однажды я влюбился». И все понимают, что это была не какая-то мимолетная симпатия, а самая настоящая любовь. Или скажет кто-нибудь: «Однажды я встретил одного человека...» И все сразу понимают, что человек этот был каким-то необычным, неординарным. Значит, было что-то в этом человеке такое, что заслуживает внимания и слова «однажды». В общем, есть у этого слова какая-то магия. А магия, как известно, для того и придумана древними волшебниками, чтобы ею пользовались. Поэтому...

Однажды в деревне появился очень странный человек. Темное небо только начинало светлеть, поэтому на улицах было

немноголюдно. Человек остановился у крайних домов, немного постоял и смелой походкой направился к центру деревни. Редкие прохожие, заметив его, инстинктивно переходили на другую сторону улицы и жались к заборам, провожая незнакомца долгими взглядами в спину. Как будто что-то очень горячее касалось их сердец, отчего хотелось побыстрее убраться прочь и никогда больше не видеть этого человека. Ведь все, что непонятно людям, во все времена их очень пугало.

Тем временем гость деревни целенаправленно шагал куда-то по бульжникам мостовой, не обращая внимания на шарахающихся людей. Но его взгляд то и дело метался от одного прохожего к другому, цепляясь за каждого невидимыми крючьями, а затем отпуская. Он искал. Завернув в узкий проулок, человек остановился и прищурился. Не заметив ничего подозрительного, он запрокинул голову и втянул ноздрями воздух. Ироничная улыбка медленно озарила его лицо. Негромко хмыкнув, он зашагал по переулку. Не успел он сделать и десятка шагов, как сзади послышался какой-то шелестящий звук, а через секунду к его горлу прикоснулось что-то холодное и острое.

— Кошелек или жизнь, мистер,— издевательски вежливо сказали за спиной, а нож еще сильнее прижался к горлу.

— Э-э, что? — еле сдерживая улыбку, произнес человек.

— Кошелек, глубокоуважаемый, обычный кошелек, набитый звенящими монетками. Ну, или жизнь.

— А, это игра такая? Ну, что ж... Я выбираю кошелек с монетами. Ваша жизнь мне ни к чему.

Грабитель слегка растерялся от такого поворота, но тут же собрался и в его голос вернулась вежливая ирония.

— Да, вы правы. Это игра. Но играем мы на ваши вещи. По правилам игры вы отдаете мне или свой кошелек, или вашу жизнь.

— И что вы будете с ней делать?

— С кем?

— Не с кем, а с чем. С моей жизнью,— ответил мужчина,— на что вы собираетесь ее потратить?

— Ну... Я просто отберу ее у вас, и все.

— Вы не продумали правила игры,— усмехнулся человек.— Посудите сами. Вы предлагаете отдать одну из двух вещей на выбор, но совершенно не знаете, как можно воспользоваться одним из вариантов. Я бы еще понял, если бы вы предложили что-нибудь типа: «Кошелек или конь» или «Кошелек или пять мешков пшеницы». А ваше предложение изначально нерационально.

Нож, прислоненный к горлу, на секунду отстранился, но тут же снова прижался к коже.

— На что вы потратите мою жизнь, мистер? — продолжил свой монолог жертва ограбления.— Вы не сможете распорядиться ею так, чтобы это принесло вам хоть каплю выгоды.

— Возможно, что вы и правы. Но ведь вы ее лишитесь, а разве это не самое дорогое, что у вас есть? Разве вы не любите жизнь?

Человек рассмеялся так, что нож чуть не пустил кровь из его горла.

— Поверьте,— отдышавшись, произнес он,— никто в этом мире не любит жизнь так, как люблю ее я. Но я хотя бы знаю, как ею распорядиться. Да и вообще, на каком основании я должен вам что-то давать?

— Дело в том, мистер, что вы не поздоровались со мной, когда проходили мимо. В нашей деревне, да и во всем цивилизованном мире принято здороваться. Вы же почему-то пренебрегли этим правилом хорошего тона.

— А вы уверены, что хотите, чтобы я поздоровался с вами?

— Конечно. Это же всегда так радует.— Грабитель переложил нож из одной ладони в другую и снова прижал его к горлу жертвы.

— В таком случае, с вашего позволения, я повернусь. Мне совершенно не видно вашего лица.

— Нет уж, увольте. Я не настолько придиричив, чтобы выражать недовольство тем, что вы не поздоровались со мной, глядя мне в глаза. К тому же, вы можете пораниться о мой нож.

— О, не беспокойтесь, я сделаю это аккуратно.

И в этот момент произошло кое-что не совсем обычное. Голова незнакомца стала медленно поворачиваться назад. Через пару секунд она развернулась на сто восемьдесят градусов и мужчина доброжелательно посмотрел прямо в глаза своего грабителя. От такого фокуса тот поменялся в лице и, бросив нож, уже собрался было бежать, но мужчина выкинул руки назад и крепко схватил его за длинный темный плащ.

— Вы все еще хотите, чтобы я с вами поздоровался? — Улыбнулся он.

— Н-н-нет...

— Это правильное решение, мистер грабитель. Ведь я здороваюсь всего один раз и никогда не прощаюсь. Я с удовольствием разошелся бы с вами разными дорогами, но наша игра, в которую вы предложили мне сыграть, не доиграна. Вы хотите ее продолжить?

— Нет, пожалуйста...

— Очень жаль. В таком случае, теперь моя очередь ставить вас перед выбором.

Мужчина на секунду задумался.

— Что ж, я думаю, такое условие вам понравится. Кошелек или... Или, к примеру, жизнь Энн Хейли.

Грабитель наморщил лоб, перебирая в памяти знакомые имена.

— Подождите... Энн Хейли? Дочь трактирщика Джона Хейли?

— Она самая, — кивнул мужчина.

— Та самая Энн Хейли с мерзопакостным характером, из-за которого она не может найти себе мужа уже сорок четыре

года? Энн Хейли, которая в прошлом году убила сковородой лошадь? Вы говорите про ту Энн Хейли, которую не пускают в церковь, потому что на нее упало распятие?

— Да, именно о ней и идет речь, — кивнул мужчина.

— Конечно же, я выбираю ее жизнь, — рассмеялся грабитель, — здесь и думать нечего. Даже ее отец, старина Джон, боится ее, как дьявола.

— Ну что ж. Я уважаю ваш выбор, — улыбнулся мужчина, — жизнь Энн Хейли теперь принадлежит...

Незнакомец отпустил полы плаща грабителя и сложил ладони вместе. Между ними что-то заискрилось и темный переулочек на мгновение озарило синеватое пламя.

— Жизнь Энн Хейли теперь принадлежит вам, Джек Рид.

— Как это? — опешил грабитель, совершенно не обратив внимания на то, что незнакомец знает его имя. — Что значит — мне?

— Я вам сразу сказал, что правила вашей игры мне не понравились. Поэтому я слегка их изменил. Вы должны были выбрать не из того, что вы мне отдадите, а из того, что я вам подарю. Вы выбрали жизнь Энн Хейли. Теперь она принадлежит вам.

— То есть я должен ее убить?

— Зачем? — поморщился мужчина.

— А вы сами не можете с этим справиться?

— С чем?

— Ну... С ее жизнью. Вы же... Я же правильно понял? Вы — Смерть?

— Почему вы так решили? — усмехнулся незнакомец.

— Просто ваша голова крутится во все стороны, как ветряная мельница, у вас нет зрачков, вы искрите своими ладонями, совершенно не боитесь ножа, а самое главное — вы говорите, что здороваетесь только один раз. Кто вы, как не Смерть?

Незнакомец расплылся в широкой улыбке и посмотрел на Джека.

— Нет, я не Смерть. Вы ошиблись.

— А кто же вы тогда?

— Я — Мистер Любовь. И я тоже здороваюсь только лишь однажды... Послушайте, а ведь вы могли бы выбрать кошелек.

Все кусочки этой загадки, наконец, сложились в голове Джека. Глаза грабителя округлились, он сделал шаг вперед и молитвенно сложил ладони.

— Нет, только не это! Я вас прошу! Не надо! Я отдам вам все свои деньги!

— Мне они не нужны.

— Заберите лучше мою жизнь!

— Не переживайте, однажды моя подруга Мисс Смерть обязательно скажет вам: «Здравствуйте», а пока что я говорю вам...

— Нет!!! — Грабитель упал на колени и протянул руки к незнакомцу.

— ...здравствуйте, Джек Рид.

Мужчина снова улыбнулся и медленно зашагал по переулку, оставив обезумевшего грабителя в одиночестве.

Вся деревня и близлежащие поселения еще долго судачили об этой свадьбе. Еще бы, самый отъявленный и неуловимый грабитель всего западного побережья — Джек Рид по прозвищу Полголовы неожиданно сделал предложение дочери трактирщика — Энн Хейли, которую из-за ее несносного характера и совсем непривлекательной внешности боялись даже черти. Говорят, что пара выглядела счастливой. Особенно Джек. Ведь это была настоящая любовь, которая случается лишь однажды.

ЦИЛИНДРЫ

— Как ваши дела, Виктор Степанович? — Доктор вошел в палату районной больницы и, подойдя к койке, принялся раскладывать на тумбочке шприцы и ампулы с лекарствами. — Как самочувствие?

Старик открыл глаза и устало улыбнулся.

— Чувствую себя цилиндром, Лёша.

— Каким еще цилиндром? — удивленно вскинул брови доктор.

— Обыкновенным таким цилиндром, — тяжело вздохнул Виктор Степанович, — глупым старым цилиндром.

Доктор всмотрелся в глаза старика, но, убедившись, что тот находится в сознании и не бредит, снова занялся распаковыванием шприцов и вскрытием ампул.

Виктор Степанович был уже старым человеком, к тому же неизлечимо больным. Это понимали и врач Алексей, и он сам. Оба они прекрасно осознавали, что старику осталось жить на этом свете считанные дни, но старательно избегали этой темы в разговорах. Во время ежедневных процедур они частенько беседовали и обсуждали самые разные вопросы. Бывало, что даже ожесточенно спорили, доказывая друг другу свою точку зрения. Виктор Степанович был прекрасным рассказчи-

ком, и бывало, что Алексея, заслушавшегося его историями, возвращали в реальность медсестры, разыскивающие его по всему отделению. Алексей, сам того не замечая, привязался к этому доброму и жизнерадостному старичку, поэтому даже уколы приходил делать сам. К тому же он знал, что у старика совсем не осталось родных. Жена умерла еще лет семь назад, сын уехал на заработки в другую страну да так и пропал — ни слуху ни духу. Изредка к Виктору Степановичу приходила его двоюродная сестра, но она уже и сама с трудом передвигалась в силу своего возраста, поэтому ее визиты становились все реже и реже.

— Лёша, — негромко позвал доктора старик.

— Да?

— Ты знаешь, кто такие цилиндры?

— Ну... Фигуры такие геометрические.

— В детстве мы называли так людей, которые казались нам глупыми, — проигнорировав слова Алексея, произнес старик, — а сейчас я понял, что на самом деле я и есть такой цилиндр.

— Такого я еще не слышал, — усмехнулся доктор, — а с чего это пошло? Почему именно цилиндры?

— Брось ты свои шприцы. Присядь, а я тебе расскажу.

— Но...

— Да присядь, говорю. Успеешь еще свои наркотики мне вколоть.

Доктор, немного посомневавшись, присел на стул и посмотрел на Виктора Степановича. А тот, на несколько секунд прикрыв глаза, как будто мысленно вернувшись в свое детство, начал свой рассказ.

— Когда я был маленьким, я жил в небольшой деревушке, тут неподалеку. Сейчас я уже не вспомню, сколько было в ней домов. Может тридцать, а может и все пятьдесят. Впрочем, это не так уж и важно. У меня было много друзей и в